

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А.М. Горького

И.С. ШМЕЛЕВ
и проблемы национального
самосознания (традиции и
новаторство)

Материалы международных научных
конференций Шмелевские чтения
2011 и 2013 гг.

Москва
ИМЛИ РАН
2015

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук *Спиридонова Л.А.* (отв. редактор)
кандидат филологических наук *Быстрова О.В.*
кандидат филологических наук *Суматохина Л.В.*
кандидат филологических наук *Каскина Ю.У.*
кандидат филологических наук *Плотникова А.Г.*

Рецензенты:

кандидат филологических наук *Кутейникова А.А.*
кандидат филологических наук *Шуган О.В.*

И.С. ШМЕЛЕВ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ (ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО). Материалы международных научных конференций Шмелевские чтения 2011 и 2013 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2014. — 536 с.

В сборнике на новом методологическом уровне, с привлечением новых архивных материалов ставятся и решаются проблемы изучения, интерпретации и издания творческого наследия И.С. Шмелева. В состав книги вошли статьи, посвященные роли писателя в литературном процессе XX века, в отражении и формировании национальной картины мира, традициям русской классики в его творчестве, новаторству художника слова, особенностям языка писателя, текстологическим вопросам, а также проблемами преподавания творчества Шмелева в высших учебных заведениях.

ИВАН ШМЕЛЕВ И НАДЕЖДА ГОРОДЕЦКАЯ: ДУХОВНЫЕ ИСКАНИЯ И ТВОРЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Надежда Даниловна Городецкая (1901–1985) — интереснейшая фигура русского литературного зарубежья. Дарования ее были многосторонни и неординарны: начав свой творческий путь как беллетрист и журналист в Париже, она продолжила его в Англии в качестве богослова и историка русской литературы, став профессором Оксфордского и Ливерпульского университетов. Сегодня, после долгих лет забвения, ее имя возрождается из небытия; российский читатель получил возможность познакомиться с ее наследием¹.

Н. Городецкая активно сотрудничала с газетой «Возрождение», где появилось более сотни ее рассказов и очерков. В начале 1930-х годов она опубликовала здесь интервью с видными литераторами, среди которых были А. Куприн, А. Ремизов, М. Алданов, Б. Зайцев, В. Ходасевич, И. Шмелев, Н. Тэффи, М. Цветаева, И. Бунин. Иван Шмелев — единственный из писателей, с кем Городецкая не была знакома прежде. В эти годы он жил в Севре, в доме на Rue des Rossignols, куда и отправилась журналистка. Ее очерк-интервью под названием «В гостях у Шмелева» появился в «Возрождении» 1 февраля 1931 года.

Этот материал добавляет некоторые штрихи к портрету Ивана Сергеевича, уточняет его литературную позицию. По сути, это не столько интервью (вопросов Городецкая почти не задает), сколько записанный ею монолог Шмелева. Автору удалось передать не только стенографически точное содержание, но и стиль его эмоциональной, наполненной восклицаниями, речи: «И. С. то сидит на диване, то вскочит, подойдет к столу, стряхнет пепел с папиросы и вдруг остановится посреди комнаты, махнет рукой и скажет — почти крикнет низким, глухим голосом... <...> Я замечаю особенность жестов И. С.: в них есть острота и угловатость, и почти всегда это — параллельное движение обеих рук»².

Писатель предельно исповедален и говорит о том, чем сам «много мучается», и эта открытость, распахнутость навстречу незнакомому человеку поражает Городецкую. Разговор сразу же начинается с важнейшей темы: смысл и ответственность искусства. «Необходимо выяснить себе самому — да зачем же пишешь?» — размышляет Шмелев и говорит о великой задаче обожения художественного делания. Всплывают имена Гоголя, Достоевского и, конечно, Пушкина: «Пушкина пытаются представить неверующим. Он себя еще не выяснил, но шел и к Богу, и даже к Православию. И знал великое значение слов. Добро! Сегодня все для нас элементарно: “чувства добрые я лирой пробуждал”. Но ведь он умнейший был человек и вот не побоялся элементарности. “Веленью Божию, о муза, будь послушна”. Тут не о вдохновении речь, а о Божием голосе. И тому, кто такого голоса не слышит, — и писать незачем. Вот когда я говорю о новой-то эстетике, я это так и понимаю: надо *обожить* искусство, уяснить, что искусство, как и религия, из одного — божественного — источника... Да что там... Пушкин в “Пророке” все сказал».

В своих повестях и романах Шмелев не раз воплощал этапы духовного возрастания человека: искушение — греховная страсть — страдание — покаяние — очищение. В разговоре с Городецкой он прилагает этот путь к художнику: «Вот слова: искушение — искус, искусство. Приять страсть, приять искушение — и через себя его провести, выстрадать и, пережив, искусившись — искушенным и очищенным идти в искусство...». Неизвестно, был ли Шмелев знаком с творениями святителя Игнатия (Брянчанинова), но оказался удивительно близок к его суждениям из работы «Христианский пастырь и христианин-художник»: «Истинный талант, познав, что Существенно-Изящное — один Бог, должен извергнуть из сердца все страсти, устранить из ума всякое лжеучение, стяжать для ума евангельский образ мыслей, а для сердца евангельские ощущения. <...> Когда усвоится таланту евангельский характер, — а это сопряжено с трудом и внутреннею борьбою, — тогда художник озаряется вдохновением свыше, только тогда он может говорить свято, петь свято, живописать свято»³.

Шмелев говорит, таким образом, о новой эстетике, о задаче возвращения творчества к религиозным основам. Эти взгляды были близки самой Городецкой. Незадолго до встречи со Шмелевым она беседовала с В. Ходасевичем и задала волнующий ее вопрос: «Что же может стать “предметом” русской поэзии? Не

считаете ли вы, что после символизма стало дозволено говорить простым языком о иных реальностях? То есть, не стоим ли мы перед новым, духовным реализмом?» Примечательно, что термин «духовный реализм» получит широкое распространение в науке о литературе в 2000-е годы, и именно в том значении, которое имеет в виду Городецкая: «говорить простым языком о иных реальностях». Ходасевич, впрочем, не понимает собеседницу, возражая ей: «символизм и есть истинный реализм»⁴. Но Иван Шмелев, безусловно, разделит бы это ее рассуждение-чаяние, если бы услышал его.

Еще одна тема разговора — церковное благочестие как источник, питающий творчество. «Какое богатство дала Церковь нашим писателям, даже и неверующим! Помимо религиозных переживаний — экая красота. И какие высочайшие художники творили молитвы. Это источник вечный, — убежден Иван Сергеевич. — В монастырских стенах, несмотря на лук да квас, да греховность, — все-таки хранится *подлинное*...» Он признается в любви к Мельникову-Печерскому, у которого находит «благочестие народного, глубинного благочестия», и восхищается книгой «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу».

В начале 1931 года Шмелев работал над «Богомольем» и «Летом Господним», и в беседе с Городецкой мы находим еще одно подтверждение тому, что он ставил перед собой осознанную цель — показать не только бытовую сторону народного благочестия, но открыть суть событий годового богослужебного цикла: «Вот пишу “Лето Господне благоприятно”. Праздники, и как они в быту отражались, и ритм их — и во всем глубокий смысл: духовный, божественный и космический, и душевность народная... Но одного нельзя, нельзя забывать. Все человечество в опасности отхода от своего Божьего образа, и мы все перед ним должники...»

Как известно, Иван Шмелев и его книги в среде русской эмиграции, имевшей преимущественно «левую» ориентацию, воспринимались весьма неоднозначно. Писатель имел многих недоброжелателей и даже врагов, чему причинами были и направленность его творчества, чуждая «левым», и вспыльчивый характер. В этом человеке Городецкая, однако, ощутила подлинность и глубину духовной жизни. Она понимает, что слышит не просто дежурные «слова для газеты» и даже опасается, что они будут восприняты недостаточно серьезно, — ведь «все это живое, из сердца, из боли». Интервью с Иваном Шмелевым выделя-

ется из прочих, подготовленных Городецкой: ни в ком из других писателей она не отмечает такой искренности и такой экспрессивности душевных переживаний. Встреча рождает и у самой Городецкой сильный эмоциональный отклик: в лирической концовке очерка в душе писательницы, возвращающейся домой, рождается щемящий образ Ивиковых журавлей.

При всем различии биографий, темперамента и творческих интересов Шмелева и Городецкую роднил духовный поиск. Оба чувствовали истинность Евангельских заповедей, красоту, силу и подлинность христианства, но одновременно ощущали свою неготовность к молитвенному опыту и искали путь к Богу. Оба — в ту пору — оставались еще не полностью воцерковленными, оба признавались, что соединить церковь (с ее догматами и канонами) с христианской идеей в своем сознании и практике было нелегко.

Вот строки из письма Н. Городецкой Н.А. Бердяеву, своему духовному учителю и наставнику, от 18 августа 1931 года: «Верить трудно. Я по себе знаю. Не только минуты, а целые дни присутствия в себе Бога. Ровная радость, и ничто житейское не в силах ее смутить. Но в большинстве случаев — испуг, недоумение. А кроме того — Бог, Дух — одно. А понимание Его и особенно церковь — совсем другое, и очень мне часто чуждое. <...> И в то же время я знаю, что вера нужна. Периодически живу так, как если бы верила. Но если это совпадает с состоянием “окамененного нечувствия”, то лучше не ходить в церковь... — получается одно лицемерие. А его не выношу. Потому что твердо чувствую одно: если есть в душе Бог, так и горя почти нету, и своего греха не почувствуешь, буквально рай, буквально станешь как дитя. Как к этому придти? Как сделать, чтобы Бог тебя захотел? П<отому> ч<то> если захочет — откуда угодно возьмет. Ждать платонически не могу. Пытаюсь молиться, как-то себя держать в известном духе. Удастся слабо»⁵.

Эти строки — свидетельство душевного порыва совестливой и духовно чуткой женщины, которая ищет путь к христианской Истине. Как схожи эти чувства с переживаниями И. Шмелева, признававшегося И. Ильину: «Бывают дни — места не найду <...>. Пытаюсь молиться, зываю, — нет ответа»⁶; «Господи, как хочу научиться *молитве!*»⁷. Такое мирочувствие характерно — на определенном этапе духовного становления — для многих людей, отнюдь не только творческих, но русские литераторы оставили яркие свидетельства этих душевных движений. Выше-

приведенные строки Городецкой почти совпадают и со словами Н. Гоголя: «...Молиться не легко. Как молиться, если Бог не захочет? <...> И вот Вам моя исповедь уже не в писательстве. Исписал бы Вам страницы во свидетельство моего малодушия, суеверия, боязни. <...> Хочу верить...»⁸.

Писательский труд у героев настоящей статьи был неразрывно связан с путем собственного спасения. Духовный путь Шмелева известен, что касается Городецкой, то она на определенном этапе ощутила неудовлетворенность занятиями беллетристикой, заинтересовалась религиозной философией и почувствовала сильное влечение к осуществлению евангельских заповедей на практике. Под влиянием своего духовного отца, архимандрита Льва (Жилле) она отказалась от художественного творчества, и в 1934 году переехала в Англию, где получила богословское образование, стала доктором богословия и автором трудов по истории церкви и русской словесности.

Что касается литературного наследия, то, конечно, Шмелев и Городецкая шли в литературе разными путями. Шмелев прославился книгами о России православной. А те персонажи его повестей и рассказов, что оказались за рубежом, бьются над разрешением вопросов философских, бытийных, размышляют о настоящем трагическом положении родины и ее возможном будущем. Рассказы Городецкой камерны и преимущественно посвящены современникам, молодым эмигрантам, приехавшим в Париж. Драмы героев связаны главным образом с любовными коллизиями. Тема России, родины, в отличие от Шмелева, не является центральной в ее художественном мире. Мало общего у двух писателей и в жанровом отношении: Городецкая предпочитала писать новеллы, близкие к мопассановским.

Тем не менее, точки взаимопересечения в их прозе есть. Это — смысловое наполнение темы детства. «Лето Господне» возникло как цикл рассказов-воспоминаний о детских годах Вани, впоследствии спаянных в единую книгу. Тема детства возникает у Городецкой в цикле, посвященном истории Кати Белосельской. Он охватывает два десятилетия жизни героини, покинувшей Россию и очутившейся в Париже. Первый рассказ цикла, со знаковым названием «Детство», опубликованный в Пасхальном номере газеты «Возрождение» (8 апреля 1934 г.), создан, как нам представляется, под непосредственным влиянием «Лета Господня».

Городецкая, конечно, следила за публикациями Ивана Сергеевича, который произвел на нее столь сильное впечатление во время их знакомства. Первые рассказы — главы будущей знаменитой его книги — публиковались, начиная с 1928 г., а в 1933 г. в Белграде «Лето Господне. Праздники» вышло отдельным изданием. Находки писателя Н. Городецкая, как думается, использует в своем рассказе. Он близок шмелевскому произведению тональностью, характерами и взаимоотношениями героев и даже их внешностью. Параллельны пары главных персонажей: верующий дед и Катя в «Детстве», Горкин и Ваня в «Лете Господнем». Действие происходит в дореволюционной России. Кате восемь лет, Ване — около семи. Детское восприятие мира воссоздано трогательно и бережно. А взрослых персонажей можно определить словами И.Ильина — «русский верующий простец». В «Детстве» это странник, время от времени навещающий дом, где находит приют и подаяние; дети зовут его «дедушка». Его портрет хорошо знаком читателям «Лета Господня»: «тихий, чистенький, седовласый», в котомке у него сухари и Новый Завет. Он, конечно, не столь образован, как Горкин, в его слове больше простонародной веры, фольклорных преданий. Но та же ласковость и та же мудрость, что у Михаила Панкратовича:

«Кате дедушка говорил:

— Ты птицу корми, это хорошо. Она, птица, до неба летает, она про тебя Богу скажет.

— А где Бог живет?

— Бог за звездой живет. И в нас тоже скрывается.

По тому, что старик говорит «скрывается», Кате казалось, что это большая тайна; она и матери не осмеливалась об этом сказать, а сама иногда уходила в детскую, садилась в уголок лицом к стенке и, притаив дыхание, слушала стук своего сердца: не откроется ли Бог?»⁹

В общении с этим странником ребенок всерьез задумывается о Боге. Звучит безусловно шмелевская тема встречи с верующим праведником, развивается сюжет о том, как ребенок впитывает истины христианства, ощущает соприкосновение с миром святости — миром, которого так не хватает в светском обиходе барского дома: «Семья Белосельских не благочестива, но весела и дружна».

Сближает эти произведения и детская наивная трактовка церковнославянских фраз. «В блеске свечей, в толкотне, в гуле, в духоте и ладане Катя немного поняла и запомнила. Разве что

“Христос Воскресе” да еще про какого-то ангела, который “вопьяше”. Она хотела и не успела спросить, кто обидел ангела. Еще пели про какую-то реку: “Радуйся”. Кате понравилось, что и река примет участие в празднестве»¹⁰. Вспомним, как понимал Ваня строчку рождественского песнопения «волсви же со звездою путешествуют»: «Волсви?.. Значит — мудрецы, волхвы. А, маленький, я думал — волки. <...> Звезда ведет их, а они идут, притихли. Маленький Христос родился, и даже волки добрые теперь. Даже и волки рады» (4, 100). Или: «радостные слова “чаю Воскресения мертвых!” Недавно я думал, что это там дают мертвым по воскресеньям чаю, и с булочками, как нам» (4, 23).

В детских душах совершаются первые подлинно христианские движения. Вспомним, как только что причастившегося Ваню дразнит Гришка: «Сразу нас — как ошпарило. Я хотел крикнуть ему одно словечко, да удержался — вспомнил, что это мне искушение, от *того*. И говорю ласково, разумно, — Горкин потом хвалил: — Нехорошо, Гриша, так говорить... лучше ты поговей, и у тебя будет весело на душе» (4, 266). Такое же искушение ожидает и Катю, возвратившуюся с пасхальной заутрени:

«Встали поздно. Петя заявил, что шоколадный заяц принадлежит ему одному. Катя хотела зареветь, но опомнилась.

— Счастье твое, что сегодня воскресенье, и “вся простим”, а то я бы папе сказала».

Катя запомнила услышанные в храме слова «простим вся воскресением»¹¹. Эти первые попытки исполнения заповеди о любви поистине бесценны. В будущем героев ожидает куда более серьезная «духовная брань», и не всегда она будет заканчиваться такими же победами над собой, но как важно, что этот опыт все-таки есть.

На радостях Катя устраивает разговение пришлым кошкам, которых прежде недолюбливала, кормит их пасхальным яйцом, при полном одобрении деда-странника и к неудовольствию матери, которая не понимает Катиных чувств. Вполне применимы к рассказу Городецкой слова И. Ильина, сказанные о «Лете Господнем»: «И вот эта сила любви и эта нежность младенчества блаженно впитывают в себя стихию православия. Не в порядке богословия и не в порядке богослужения; ибо обе эти стороны требуют не-младенческого разума. А в порядке *непосредственного жизнеосвящения*»¹².

Конечно, Шмелев посвятил этой теме две книги, а Городецкая — всего лишь один рассказ, но и его необходимо учитывать, если говорить о традициях Шмелева в русской литературе.

Как сложилась судьба Вани Шмелева, нам хорошо известно. Что касается Кати Белосельской, то ей в последующих рассказах предстояло стать Китти Бель, солисткой парижского мюзикхолла, испытать любовь, пережить свои радости и скорби и завершить мирской путь в монастыре, приняв постриг и став сестрой Евдокией.

В одном из рассказов цикла о Кате, «Случайность», мелькает словно отзвук из романа «Пути небесные», из той сцены, где Вейденгаммер встречается Дариньку: «Эта ночная встреча на Тверском бульваре стала для Виктора Алексеевича переломом жизни. Много спустя <...> он прознал в этом — “некую, благостно направляющую Руку”» (5, 31); «Во всем, что случилось с ним и с Даринькой, виделся ему как бы *План*, усматривалась “Рука ведущая...”» (5, 183). Точно так же Катя Белосельская встречается человека, которого вскоре полюбит всей душой, но еще не знает об этом: «И в силу той же самой таинственной случайности <...> именно в эту ночь она встретила за кулисами самое большое и скорбное свое испытание, свою, в сущности, первую и единственную земную любовь». Герои, комментирует автор, «еще не догадывались, что действительно на каких-то невесомых весах взвешена каждая капля слез, и что Катину жизнь поведет с этого дня еще незнакомая ей и неотступная Рука»¹³.

Почти дословное совпадение в выражении одной и той же мысли, в описании завязки сюжета, тем не менее, не означает заимствования. Ведь рассказ Городецкой опубликован в 1933 году, а первые главы «Путей небесных» появились в печати только в 1935-м. Но совпадение не случайно: оба автора задумывались о тайне любви и тайне Промысла, и, хотя художественные их трактовки были у каждого свои, оба все же вели своих героев (и Катю, и Виктора Алексеевича) — в монастырь.

...Так на перекрестках литературного Парижа пересеклись однажды пути двух русских литераторов. В полной мере реализовать свой талант, воплотить православный взгляд на мир одному из них предстояло в эстетически совершенных художественных текстах, а другому — в научных богословских трудах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Городецкая Н.Д.* Остров одиночества. Роман, рассказы, очерки, письма / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.М. Любомудрова. СПб., 2013.

² Здесь и далее очерк «В гостях у Шмелева» цит. по: *Городецкая Н.Д.* Остров одиночества. СПб., 2013. С. 721–724.

³ *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Полн. собр. творений: [В 8 т.]. М., 2002. Т. 4. С. 506.

⁴ *Городецкая Н.* В гостях у Ходасевича // *Городецкая Н.Д.* Остров одиночества. СПб., 2013. С. 720.

⁵ *Городецкая Н.Д.* Остров одиночества. СПб., 2013. С. 742.

⁶ *Переписка двух Иванов: (1935–1946).* С. 172–173.

⁷ *Переписка двух Иванов: (1947–1950).* С. 263.

⁸ *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. М.; Л., 1937–1952. Т. XIV. С. 41. Подробнее см.: *Любомудров А.М.* Николай Гоголь и Иван Шмелев. Путь спасения как художественная задача // *Поэзия русской жизни.* С. 228–238.

⁹ Здесь и далее рассказ «Детство» цит. по: *Городецкая Н.Д.* Остров одиночества. СПб., 2013. С. 267–270.

¹⁰ Имеется в виду пасхальное песнопение: «Ангел вопияше Благодатней: “Чистая Дево, радуйся”, и паки реку: радуйся! Твой Сын воскрес тридневен от гроба, и мертвыя воздвигнувый: людие, веселитесь!».

¹¹ Из стихир Пасхи: «Воскресения день, и просветимся торжеством, и друг друга обьемем; рцем: братие! И ненавидящим нас простим вся воскресением...».

¹² *Ильин И.А.* Православная Русь. «Лето Господне. Праздники» И.С. Шмелева // *Духовный путь Ивана Шмелева.* Статьи, очерки, воспоминания. М., 2009. С. 44.

¹³ *Городецкая Н.* Остров одиночества. СПб., 2013. С. 292.